

КРИЗИС ЛЕГКОГО ЖАНРА

Для России прошедший год был переломным. Начался он на подъеме во всех смыслах: высокая цена на нефть, политическая стабильность, преемственность власти, которую продемонстрировали мартовские президентские выборы. В первые месяцы 2008 года мировой финансовый кризис определялся в российских СМИ не иначе как «ипотечный, поразивший США, где большинство граждан живет в долг». Так как в России ипотека дорогая и доступна далеко не всем, казалось, ничто не предвещает беды.

Между тем кризис в США и Европе начался, что называется, не вчера. Предпосылки были заложены еще 10 лет назад. Тогда американские транснациональные компании пришли в Китай, начали строить там предприятия, фактически инвестируя в заводы, которые потом стали производить продукцию для американского рынка. Жить в кредит американцы стали еще раньше, а сумма кредитов в стране традиционно превышала сумму возвратов. Это стало чертой американского образа жизни на всех уровнях, от простых граждан и домашних хозяйств до предприятий, и приучило к определенному стилю поведения американское правительство, которое могло спокойно печатать доллары.

Очевидно, предпосылки для мирового кризиса появились еще в 2001 году, когда глава Федерального резерва Центрального банка США Алан Гринспен снизил ставку по кредитам до 1 %. Тогда заемные деньги стали дешевыми не только для партнеров США, но и многих других стран. Это сформировало тренды экономической модели поведения для многих субъектов хозяйствования по всему миру.

Дешевизну зарубежных кредитов почувствовали и российские компании. Заемные деньги создали иллюзию их доступности. Выступая товаром, они направлялись не на модернизацию производства, его инновационное развитие, а пускались в авантюрное плавание на биржах и так далее.

Уже прошлым летом российская экономика почувствовала первые сигналы начала спада. Он начался с того, что, казалось, должно было стать для России большим плюсом, – победы над Грузией в пятидневной войне. Несмотря на оптимистичный настрой федеральных каналов, трудно было отделаться от ощущения, что российские СМИ проиграли зарубежным

коллегам, освещавшим августовские события на Кавказе и сделавшим информационный акцент на том, что Россия нарушила территориальную целостность маленькой кавказской республики. После этого отреагировал и финансовый рынок: европейские обыватели стали отзываться свои средства, в том числе пенсионные, из фондов и банков, ссужающих деньгами российских партнеров. Дефицит заемных денег вызвал цепную реакцию на бытовом и общенациональном уровне: граждане запаниковали и начали забирать свои вклады, скупать наличную валюту, вывод активов за рубеж стал лавинообразным.

Впрочем, как утверждает известный экономист, ныне оппонировавший Кремлю, Андрей Илларионов, спад в России начался не после того, как упали мировые цены на нефть, и не в результате такого падения. Промышленный спад в России ведет отсчет с июля 2008 года, когда мировые цены на нефть достигли рекордных значений как в номинальном, так и реальном выражении. В целом в период российской промышленной рецессии мировые цены на нефть были на 60 % выше, чем в соответствующий период 2007 года, а в течение всего 2008-го – выше почти на 70 %. «Следовательно, утверждение, согласно которому российский кризис вызван ухудшением мировой ценовой конъюнктуры, не соответствует действительности», – заявляет А. Илларионов. В сентябре 2008 года в российской экономике по инерции продолжался рост – 6,3 %. Но уже октябрь, напоминает руководитель Института проблем глобализации Михаил Делягин, показал общероссийский рост всего в 0,6 %. При этом уже в октябре был спад у многих регионов. В ноябре, по официальным данным, бюджетный дефицит составил 7,2 % ВВП. Доходы упали на 30 %, расходы выросли более чем на

Лариса РАКОВСКАЯ,
собственный
корреспондент
газеты «Советская
Белоруссия»
в Российской
Федерации

64 %, то есть почти на две трети. Этот бюджетный дефицит пока покрывается сокращением масштабов поддержки банковской системы, внутреннего распределения денег и так далее, но сам по себе он симптоматичен.

Как утверждает известный экономист Евгений Ясин, в России «кризис расслоён». Раньше всех трудности начали испытывать банки – они были «в первом эшелоне». Потом предприятия реальной экономики, производящие товары, почувствовали, что нет кредитов или возникли ограничения на экспортных рынках, где они получали основные доходы. И вот – волна сокращений или по крайней мере угроза таковой. В любом случае простые люди начинают оптимизировать свои расходы, что неизбежно должно привести к снижению спроса.

По прогнозам М. Делягина, бюджетный кризис придет в регионы России уже в нынешнем году. Особенно в те, которые зависят от одного предприятия или группы.

К примеру, Вологодская область. Три четверти доходов ее регионального бюджета так или иначе связано с «Северсталью», а там ожидается падение производства в два раза. Но ведь это, пожалуй, лучшая компания в черной металлургии России. Налог на прибыль от «Северстали» в бюджете Вологодчины составляет 38 %. Еще одна важная деталь: мало того, что прибыль упадет очень серьезно, ко всему прочему, ее еще и станут скрывать. Пока еще по инерции прибыль показывают, надеясь привлечь иностранные кредиты. Когда же станет ясно, что капиталов и займов не будет – зачем ее обнародовать, «подставляясь» под налогообложение и давление налоговой службы?.. Ответ на этот риторический вопрос укладывается в схемы, традиционные для периода 5-7-летней давности: в удачные для российской «нефтяной» экономики времена было престижно показывать реальные благополучные цифры.

Спустя 10 лет после кризиса 1998 года в Россию вернулось понятие «дефолт». Правда, речь идет об отдельных российских компаниях – многие из них оказываются не в состоянии отвечать по собственным долговым обязательствам, оформленным в виде корпоративных облигаций, ранее размещенных на финансовых рынках. Еще в начале прошлого года

они могли без особого труда привлечь новые заемные средства, чтобы погасить старые долги. Теперь новые деньги брать неоткуда. Всего в 2008 году было зафиксировано почти четыре десятка технических дефолтов российских компаний, из них более двух третей произошло в октябре – ноябре, отмечает аналитик по рынку корпоративного долга инвестиционного банка Lehman Brothers Павел Мамай.

Когда рубль «поплыл» вниз, многими это было воспринято как неожиданность, хотя политика плавающего курса рубля в России проводится давно. Правда, несколько последних лет, когда цена на нефть была высокой и росла, курс рубля повышался. Когда же цена на «черное золото» упала, он стал дрейфовать вниз. Для народного хозяйства это означало, что в период роста рубля самым выгодным производством становится добыча и продажа сырьевых ресурсов: нефти, газа, металла, древесины.

Чем «голландская» болезнь чревата для экономического развития страны, известно. Поток нефтедолларов дает возможность не развивать производство своей продукции, а импортировать все необходимое, стимулируя рост такой сферы, как торговые услуги, посредничество и так далее.

Рынок нефти как зеркало отражает все глобальные экономические тенденции. Если мировая экономика растет – растет и цена на нефть, и наоборот. А чем дешевле нефтяное сырье, тем дешевле рубль. Если нефть совсем подешевеет, то в России курс может вырасти до 40 рублей за доллар, что приведет к гигантскому всплеску инфляции. Сильнее всего это отразится на больших городах, потому что они особенно зависят от импорта, номинированного в долларах и евро. При дешевой нефти неизбежен рост цен на импортные товары, прежде всего продукты питания.

Когда резко подешевел российский рубль, начались проблемы с бюджетом. Государство предпринимает меры по поддержке экономики, но логика решений по выделению помощи тем или иным российским предприятиям порой труднообъяснима: кто и по каким признакам составил список из почти трехсот субъектов, которым правительство пообещало оказать поддержку?! Да, прямая помощь предприятиям, в особенности градообразующим, жизненно необходима. Но нужен и финансовый контроль, чтобы выделенные деньги не пошли напрямую на валютный рынок, как это

уже было в 90-е годы. Тогда ряду предприятий тоже помогали. Про финансовый контроль в отношении банков – пока только разговоры. Если просто раздавать людям деньги, никаких средств все равно не хватит.

Руководитель Института проблем глобализации Михаил Делягин убежден, что «прямое бюджетное финансирование предприятий, среди которых попадаются и частные, – схема не самая продуктивная». Банковская система, призванная контролировать прохождение выделенных средств, работает, мягко говоря, неидеально: неприятным сигналом для российского правительства стали сообщения с мест о том, что финансы туда не дошли, застряв на уровне банков. По мнению эксперта, нужно развивать производство, а это большая организаторская работа, это новые условия взаимодействия с партнерами мирового рынка, то есть переход к протекционизму и... конфликту с Западом.

При условии здоровой конкуренции повышается способность к развитию секторов экономики, не относящихся к сырьевым и добывающим. Вновь напрашивается прямая аналогия с 1998 годом. Тогда случилась крупная девальвация рубля, практически единовременная, очень болезненная по своим масштабам. Но когда стало невыгодно тратить деньги на импорт того, что можно выпускать у себя, это дало толчок российским сельхозпроизводителям: вошло в практику больше производить и продавать, а значит, больше зарабатывать.

Может, и нынешний кризис даст новый шанс российским производителям товаров легкой промышленности – при условии привлечения новых технологий и создания современных совместных предприятий для производства «брендовой» продукции.

«Плюсы» в снижении нефтяных цен видит и Евгений Гонтмахер, руководитель Центра социальной политики Института экономики РАН: «Когда нефть стоила 140 долларов за баррель, у нас было огромное количество денег, мы все жили спокойно и ни у кого не было стимула нашу экономику развивать. Теперь, когда резко снизились доходы бюджета, все задумались над тем, что надо что-то менять». Очевидно, нужно искать другие источники пополнения бюджета. Чтобы получать доходы от отраслей, не связанных с нефтью, нужно резко активизировать бизнес, любыми способами привлекать в Россию иностранные ин-

вестиции и получать от этого налоги. А если будем и дальше молиться на эту нефть, то действительно ни на что денег не хватит».

Пока же государство пошло по пути, который для России устарел на десятилетия: введения пошлин на импортные автомобили. Поддержка отечественного автопрома – это такая же теоретическая схема из учебника экономики, как и декларация прошлого десятилетия – пересадить всех чиновников из «Мерседесов» в «Волги». Первыми отреагировали жители Дальнего Востока: единственный заработок для многих из них – перегон и продажа импортных машин.

Как считает Евгений Ясин, падение рубля – та же пошлина, только гораздо более перспективная, потому что если будет невыгодно из-за дешевого рубля покупать для продажи импортное, значит, будет выгодно производить свое – качественное, конкурентоспособное, востребованное. Это шанс для российской экономики выйти на новый, современный, уровень. Но возможности, которые гарантировал Стабилизационный фонд, были использованы не для этого рывка, а для попытки удержать на плаву тех, кто не смог возвращать взятые ранее долги, но при этом является ключевым игроком для государства: «Газпром», оборонные предприятия и прочие известные структуры. При этом, отмечает Е. Ясин, сложившаяся экономическая ситуация и то положение, в котором Россия оказалась в условиях кризиса, подтвердили правоту позиции министра финансов РФ Алексея Кудрина и других «творцов» Стабилизационного фонда. Его противники аргументировали свои взгляды тем, что деньги вместо Стабфонда можно было направить в производство, и компаниям не пришлось бы занимать средства на Западе. Однако, по мнению Е. Ясина, такие заимствования все равно производились бы, поскольку до кризиса их стоимость была весьма низкой.

Непросто оспорить бытующее мнение, что кризис мировой экономики призван оптимизировать финансовые рынки, избавиться от обрастания их «дутыми» фирмами и виртуальными деньгами, которых на самом деле нет. Всем понятно, что легких денег в стране уже не будет, что на этом фоне требуется повышение эффективности государства, то есть – в определенной степени – меры терапевтического характера. ■

РАКОВСКАЯ

Лариса Павловна.

Родилась в Борисовском районе Минской области. Закончила факультет журналистики БГУ имени Ленина, Академию управления при Президенте Республики Беларусь по специальности «Внешняя политика и дипломатия».

С 1995 года – парламентский и политический обозреватель газеты «Советская Белоруссия» (с четырехлетним перерывом на работу в белорусский дипмиссии в Москве). В настоящее время – собственный корреспондент издания в Российской Федерации.

Является соискателем ученой степени аспирантуры Академии управления при Президенте Республики Беларусь.

Сфера научных интересов: трансрегиональная журналистика, интеграционные процессы на постсоветском пространстве.